

Б.Н.Комиссаров

«Поездка через Буэнос-Айресские пампы» (1835—1836)

**О записке российского поверенного в делах в Бразилии
А.П.Мальтица и путешественника Пл.А.Чихачева**

Статья посвящена характеристике личностей и деятельности главы российской дипломатической миссии в Рио-де-Жанейро А.П.Мальтица в 1832—1836 гг. и географа Пл.А.Чихачева, совершившего в 1835—1836 гг. путешествие по Латинской Америке. Анализируется составленная ими в марте-апреле 1836 г. оригинальная записка, сочетающая в себе черты дипломатического донесения и политико-страноведческого описания испаноязычных республик Нового Света.

Ключевые слова: А.П.Мальтиц, Пл.А.Чихачев, талант дипломата и путешественника, служение России, республики Латинской Америки в 30-е годы XIX в.

ЧИНОВНИК И... РОМАНТИК

18 (30) марта 1836 г. российский поверенный в делах в Бразилии Аполлон Петрович Мальтиц сообщал министру иностранных дел Карлу Васильевичу Нессельроде, что в возглавляемую им миссию в Рио-де-Жанейро в начале марта из Буэнос-Айреса прибыл Платон Чихачев «капитан 2-го ранга, выпедший в отставку из полка кавалергардов е.и.в. императрицы». «Он посетил бывшие испанские колонии Северной и Южной Америки, — продолжал Мальтиц, — и его наблюдения и суждения о них кажутся очень верными. Он посвятил более года этому интересному, но тяжелому и опасному путешествию. После некоторого отдыха, необходимого для его пошатнувшегося здоровья, он собирается отправиться в Европу»¹. В следующем донесении в Петербург, от 4 (16) апреля, дипломат снова писал о своем новом знакомце: «Чихачев находится еще в Рио-де-Жанейро и, будучи из тех, кто умеет выразить свои впечатления, много рассказывает мне о положении в бывших испанских колониях и об их будущем, как он себе его представляет. Я высоко ценю его наблюдательность и основательность суждений. На основании сведений, полученных в беседах с ним, я составил обзор, причем во многом сохранил стиль и образ мыслей Чихачева,

Борис Николаевич Комиссаров — доктор исторических наук, профессор СПбГУ и РГПУ им. А.И.Герцена, кавалер бразильского ордена «Рио Бранко» степени Командор (boris.komissarov@gmail.com).

который делал записи этих бесед и отдавал их мне»². Далее следовал упоминавшийся обзор³.

Так, кем же были эти собеседники, встретившиеся в Рио-де-Жанейро в далеком 1836 г.? Попробуем ответить на этот вопрос, а затем обратимся к плоду их совместного труда — обзору, отправленному в российскую столицу.

А.П.Мальтиц (1796—1870) принадлежал к старинному немецкому баронскому роду, восходящему к концу XIII в. Мальтицы были выходцами из саксонского города Мейсена и переселились в Россию в первой половине XVIII в. Отец Аполлона Петровича Петр Федорович и старший брат Франц Петрович были дипломатами: первый в 1797—1817 гг. возглавлял российские миссии в Штутгарте, Лиссабоне, затем снова в Штутгарте, и завершил свою карьеру в Карлсруэ; второй служил в миссиях в Берлине и Вашингтоне, откуда опять возвратился в прусскую столицу, а в 1837—1853 гг. был российским посланником в Нидерландах. Аполлон Петрович Мальтиц сначала занимал второстепенные дипломатические должности в Карлсруэ, Берлине, Варшаве и Вене, а затем был послан первым секретарем в Рио-де-Жанейро, куда прибыл в сентябре 1830 г. Посланником в бразильской столице был тогда Франц Францевич Борель, но в декабре 1831 г. он скончался, и Мальтиц возглавил миссию, став поверенным в делах. С Пл.А.Чихачевым он встретился примерно за пять месяцев до окончания срока своего пребывания в Рио-де-Жанейро. Английский пакетбот, на котором Мальтиц отправился в Лондон, доставил в Бразилию нового посланника Сергея Григорьевича Ломоносова. Мальтиц же в 1837—1841 гг. был старшим секретарем российской миссии в Мюнхене, а далее до 1865 г. служил поверенным в делах в Веймаре, столице Великого герцогства Саксен-Веймар-Эйзенах.

В мировоззренческом отношении Аполлон Петрович Мальтиц соединял в себе две противоположные по своей сути ипостаси. Одна из них — чиновник-абсолютист. Такими в России нередко бывали иностранцы, не имевшие связей, состояния и целиком зависевшие от служебной карьеры. Рио-де-Жанейро, где волею судьбы оказался Мальтиц, мягко говоря, не пользовался популярностью среди российских дипломатов из-за своей отдаленности от центров европейской культуры, сугубой экзотичности, тяжелого климата влажных тропиков и т.п. Однако для него это была новая, несколько более высокая ступень в дипломатической карьере. Отказался бы он от нее, если бы имел влиятельных покровителей? Вряд ли. Безукоризненно честный, истово преданный престолу, готовый поступиться всем ради выполнения долга перед ним, барон воспринимал как личное оскорбление любое попреание монархической идеи, где бы оно ни совершалось, был приверженцем традиционно-консервативного взгляда на мир вообще и российскую действительность в частности, являлся убежденным службистом-государственником.

Вторая ипостась Мальтица — немецкоязычный поэт-романтик, явно далекая от очерченной выше, но зато знаменующая глубокую семейную привязанность к культуре слова, роднившую его с отцом и старшим братом. Являясь преобладающей областью деятельности Мальтицев, дипломатия, однако, отнюдь не поглощала их без остатка. Еще до вступления на поприще международных отношений Петр Мальтиц зарекомендовал себя как способный литератор и даровитый литературный переводчик. В начале 80-х годов XVIII в. он «вольно», прозой, перевел с французского комедию Алексиса Пирона (1689—1773) «Страсть к стихотворству» («La Métromanie») (1738 г.), справедливо считавшуюся одним из шедевров классической комедии, «лучшей комедией со времен Мольера», по мнению Вольте-

ра. Пирон, проявив психологическую тонкость и наблюдательность, высмеивал характерную для буржуазной молодежи того времени погоню за поэтическими лаврами. Пьеса была поставлена в Петербурге в сентябре 1782 г., а затем — самим переводчиком в придворном театре в Царском Селе в 1787 г., и имела большой успех⁴.

К Францу Петровичу литературная известность пришла, когда в 1817 г. он рискнул завершить неоконченную трагедию Фридриха Шиллера «Demetrius» («Димитрий») по мотивам русской истории начала XVII в. Кроме того, ему принадлежат сборники стихов, изданные в 1817 и 1829 гг., а также «Phantasiebilde», появившаяся в 1834 г.

Творчество Аполлона Петровича сопровождало его дипломатическую деятельность и придавало ей так или иначе определенную специфику. Мальтиц был другом и свояком великого русского поэта Федора Ивановича Тютчева (они были женаты на сестрах). Поэту-дипломату принадлежали первые немецкоязычные изложения стихотворений Тютчева «Весенняя гроза» («Люблю грозу в начале мая...») и «Недаром милосердным Богом...». Они были опубликованы в 1858 г. под названиями соответственно «Весенняя песня» («Fruehlingslied») и «Птица» («Der Vogel») в сборнике стихотворений Мальтица «Перед тем, как умолкнуть» («Vor dem Verstummen»). По сути именно он начал знакомить Западную Европу с Тютчевым. Он также переводил на немецкий Пушкина («Ангел и черт»), Лермонтова («Казачья колыбельная»), написал цикл баллад на сюжеты из русской истории: «Olegs Ross» («Конь Олега»), «Swiatoslaws Schadel» («Череп Святослава»), «Isiaslaws Tod» («Смерть Изяслава»). По мотивам стихов Мальтица Тютчев написал стихотворение «Лебедь» («Пускай орел за облаками...»), в котором проводились параллели между поэтом-лириком Лебедем и поэтом-борцом Орлом. В первом образе угадывался сам Тютчев, во втором, предположительно — Байрон. А.П.Мальтиц был весьма плодовит: он выпустил 23 книги. К концу жизни он издавал по два-три сборника в год. Не исчезла со временем и верноподданническая ориентация Мальтица: в панегирическом духе он сочинял, например, посвящения Николаю I и баварскому королю Людвигу I⁵.

На русский язык Мальтица переводил профессор Московского университета и член Петербургской Академии наук Степан Петрович Шевырев⁶. Этот признанный критик и историк литературы отмечал, что хотя Мальтиц «по языку своему и принадлежит Германии, но по... чувствам, его одушевляющим, превосходному знанию русского языка и словесности мог бы быть также отнесен к литераторам нашего отечества, писавшим на иностранных языках»⁷. «Глубокая мысль, сильное чувство, нередко шутивая ирония и изящно обработанный стих, выражением своим знаменующий отчетливое изучение древних, а гармониею — музыкальное ухо поэта, — вот некоторые черты лирической музыки Мальтица», — заключал Шевырев⁸. Братья Мальтицы общались с Василием Андреевичем Жуковским, Владимиром Федоровичем Одоевским и другими выдающимися деятелями литературы⁹.

Итак, Мальтиц, несомненно, сочетал в своей личности два начала, которые, несмотря на все их различия, каким-то образом неизбежно взаимодействовали между собой.

«... ФЕНОМЕН В НАУЧНОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ ОТНОШЕНИИ»

А Платон Александрович Чихачев? Неужели и этой личности была свойственна определенная двойственность? Присмотримся к нему поближе.

Род Чихачевых был известен в России издавна. Еще в XVI в. его представитель Михаил Васильевич Чихачев отличился в Ливонской войне и как военачальник, и как администратор. Братья Петр Александрович (1808—1893) и Платон Александрович (1812—1892) Чихачевы родились в Большом Гатчинском дворце, являвшемся летней резиденцией вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Их отец, Александр Петрович Чихачев, с 1804 г. управлял как этим дворцом, так и всем городом Гатчиной. Мать Чихачевых, Анна Федоровна, урожденная Бестужева-Рюмина, женщина энергичная и отличавшаяся высокой культурой, уделяла самое пристальное внимание воспитанию и разностороннему образованию своих детей.

В 1819 г. семья Чихачевых переехала в Царское Село, ближе к знаменитому Лицею. Его директор Егор Антонович Энгельгардт, большой друг отца семейства, взял на себя составление плана занятий для братьев и подбор лицейской профессуры, так что домашнее образование, теперь уже на более высоком уровне, было с успехом продолжено. В 1823 г. Петр был определен студентом-стажером в Государственную коллегия иностранных дел. Тем самым в будущем ему была обеспечена карьера дипломата.

1826—1827 гг. стали переломными в судьбе братьев Чихачевых. 13 июля 1826 г. в числе других декабристов был казнен Михаил Павлович Бестужев-Рюмин, двоюродный брат их матери Анны Федоровны, а 18 ноября 1827 г. умер их отец Александр Петрович. Братья приняли решение продать принадлежавшие семье поместья в Тамбовской и Саратовской губерниях, а также дом в Царском Селе и переехать в Петербург, где начать самостоятельную жизнь.

Петр Чихачев в 1826—1836 гг., с перерывом на 1829—1830 гг., когда он слушал лекции на юридическом факультете Петербургского университета и во Фрайбургской горной академии, служил в министерстве иностранных дел, в частности, в 1833 г. в качестве переводчика в российском посольстве в Константинополе, а в 1834—1836 гг. посетил как многие другие города Османской империи, так и Испанию, Португалию, итальянские государства, Францию и прочие европейские страны. Однако в 1836 г. он вышел в отставку, чтобы полностью посвятить себя исследовательским экспедициям и обобщению собранных в них материалов. Он работал в Италии, Франции, на Алтае, в Малой Азии, изучал проливы Босфор и Дарданеллы, Испанию, Алжир, Тунис, опубликовал в 1841—1889 гг. без малого 140 трудов, в основном за границей, на французском и немецком языках и по праву считается классиком отечественной географии¹⁰.

Сопоставляя жизнь Платона Чихачева с деятельностью его брата, убеждаешься, что она была скроена по совершенно иным лекалам, и человеком он был совсем другим. В 1828 г. Платон был зачислен юнкером в армейский Петербургский уланский полк и принял участие в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. В 1829 г., в 17 лет, он был произведен в офицеры. Затем участвовал в польской кампании 1830—1831 гг. Как и брат, он вышел в отставку в 1833 г., чтобы без остатка посвятить себя путешествиям¹¹. Страсть к ним оказалась семейной чертой. Как позднее писал их младший современник Николай Михайлович Пржевальский: «Откровенно говоря, путешественником нужно родиться...»¹².

Братья Чихачевы являют собой феномен и в научном, и в общественном отношении. Самостоятельно поднявшись на вершины разносторонних знаний своей эпохи, без каких-либо поддержки, страховки,

гарантий и на личные средства они исследовали огромные пространства нашей планеты, везде в своих походах и трудах демонстрируя высочайший профессионализм и выдающиеся моральные качества русских ученых. Между тем Петр и Платон были очень разными людьми: первый путешественником-исследователем, второй путешественником-романтиком, что, кстати, сблизило его в дальнейшем с поэтом-романтиком Мальтицем, как, впрочем, и упомянутая офицерская, уланская закваска убежденного монархиста.

Отменное здоровье, служба в кавалерии, превосходные физические данные и фундаментальная научная подготовка помогли Платону Чихачеву совершить несколько выдающихся по сложности и опасности путешествий, во время которых один неверный шаг мог стоить ему жизни. Экстремальность его странствий и непридуманные приключения часто напоминают лихо закрученный сюжет авантюрного романа.

Первым на пути Чихачева стал в 1835 г. Новый Свет. Он был бесконечно увлечен трудами и примером знаменитого Александра Гумбольдта, исследовавшего Испанскую Америку в 1799—1804 гг. Прибыв из Палермо в Филадельфию, а затем в Нью-Йорк, он посетил север США, а также Канаду (до озера Верхнего включительно), повернул в долину Миссисипи и Огайо, а далее из Нью-Йорка отплыл в Веракрус. После четырехмесячного пребывания в Мехико Чихачев решил пересечь страну с востока на запад в направлении тихоокеанского порта Акапулько. Обычно этот путь не занимал более восьми дней, но тогда все сложилось по-другому. В стране в 1834 г. фактически установилась диктатура Антонио Лопеса де Санта-Аны, с которым Чихачев познакомился в Мехико, но в стране было очень неспокойно: индейцы во главе с Хуаном Альваресом выступили против правительства в столице. Маленький отряд из четырех всадников двигался на запад, когда был захвачен шайкой разбойников, многократно превосходившей его по численности. Побег из плена организовал Чихачев. В итоге измученный и страдавший от жажды, он через полтора месяца после выхода из Мехико кое-как добрался до Акапулько, но, увы, лишь для того, чтобы, не имея другой оказии добраться до Гуаякиля, вступить на борт каперского судна, хозяин которого не только потребовал с путешественника непомерную плату, но не раз угрожал ему расправой, а то и попросту приказывал (к счастью, лишь на словах) выбросить своего пассажира за борт на съедение акулам.

Из Гуаякиля Чихачев съездил в столицу Эквадора Кито, но намерение отправиться оттуда сухим путем через Боготу к одному из портов Венесуэлы на атлантическом побережье было им оставлено из-за крайне неспокойной политической обстановки в регионе. Вернувшись в Гуаякиль, Чихачев на английской шхуне добрался до Кальяо и вновь было замышлял перевалить Анды, избрав направление через Лиму и Куско, однако снова отказался от задуманного по тем же причинам. Наконец, в январе 1836 г. в Кальяо путешественника гостеприимно принял на борт английский военный корвет, шедший вокруг мыса Горн в Монтевидео и Буэнос-Айрес. Он доставил Чихачева в Вальпараисо. Несмотря на усиленные приглашения моряков обогнуть с ними Южную Америку, Чихачев решил все же осуществить новую попытку преодолеть Анды и в итоге достичь по суше аргентинской столицы, где встретиться с экипажем упомянутого корвета.

«Я был тогда молод; поэзия жизни была еще мне доступна, душа жадно порывалась ко всем новым ощущениям, — писал позднее Чихачев. — Я жаждал не только знания, жаждал видеть и чувствовать то,

Платон Александрович Чихачев

чего еще не видел и не чувствовал; неизвестное имело для меня прелесть неизъяснимую, а препятствия — лишь раздражали мое любопытство. Торжество ума и воли человеческой над грозными, неожиданными опасностями, борьба трудная, ежечасная — все это еще улыбалось моему юному воображению. И я покинул гостеприимный флаг св. Георгия, прикрывавший меня на Тихом океане, и через Кордильеры и пампы направил путь свой к устью Рио-де-ла-Платы»¹³.

Из Вальпараисо путешественник прибыл в находящийся неподалеку Сантьяго, откуда с проводником верхом преодолел Анды. Путь от чилийской столицы до Мендосы, а далее через Сан-Луис до Буэнос-Айреса, пролежавший в основном

через просторы аргентинской пампы, составил не менее 1500 км. Вот тут-то Платону Чихачеву и пригодилась его кавалеристская подготовка. Часами он не сходил с диких, почти необъезженных скакунов, преодолевая огромные расстояния в темпе бешеного галопа.

Еще не успев остыть от этой гонки, Чихачев уже спланировал новый маршрут. В Буэнос-Айресе путешественник встретил корвет, который оставил в Вальпараисо. Из аргентинской столицы он шел в Индию, откуда англичане намеревались тогда предпринять свое первое вторжение в Афганистан. А что, если попытаться достичь Средней Азии с севера? Проект новой экспедиции уже созрел в его голове. Проведя около десяти дней в Буэнос-Айресе, Чихачев, как упоминалось, в марте 1836 г. встретился в Рио-де-Жанейро с Аполлоном Мальтицем, а в апреле отплыл в Европу, где представил свой новый проект Александру Гумбольдту, пользовавшемуся тогда огромным авторитетом и в мире, и в России. Одобрение намерений Чихачева этим признанным мэтром географии помогло путешественнику в 1838 г. в Берлине познакомиться со своими планами императора Николая I, который тоже отнесся к ним с заметным интересом. Однако его идеи исследовать Среднюю Азию, а затем и Памир встретили явное неприятие со стороны главы российского МИД Карла Васильевича Нессельроде, и их осуществление фактически было приостановлено. Однако Платон Александрович и не думал опускать руки.

В июле 1838 г., отдыхая после своей американской эпопеи в Испании, он решил покорить высочайшую точку Пиренеев — пик Ането, венчающий массив «Проклятые горы» Маладетты. «Попытки посетить вершину многих натуралистов, таких как Ремон, Шоссанк, Кордые, д'Арбанер, Парро, а также прославленных охотников за горными исардами оказывались безуспешными или заканчивались трагически, как это произошло с искусным проводником Барро, погибшим в 1824 г. в трещинах ледника, — писал биограф Пл.А.Чихачева Владимир Васильевич Цыбульский. — Жители близлежащих мест рассказывали самые ужасные истории о горных вершинах Маладетты и дали им название «Проклятые горы», а все туземные проводники считали восхождение на Маладетту дерзостью»¹⁴. Позднее

сам Чихачев писал о своем восхождении: «Научное любопытство, хотя и смешанное с чувством страха, взяло верх, и я думал, что для науки, занимающейся изучением горных вершин, весьма важно определить точным образом настоящее положение этого неведомого пункта»¹⁵.

Чихачев первым покорил пик Ането и путем барометрических измерений установил, что его высота равна 3370,9 м. Согласно последующим более точным измерениям она составила 3404 м., и это зафиксировано в мировой литературе. Он также измерял температуру воды в ручьях и озерах по ходу восхождения, собрал коллекции растений и насекомых района верхней Маладетты.

«Победа» над Пиренеями, конечно, не удовлетворила Платона Чихачева. Он продолжал мечтать о Средней Азии и Памире. Узнав, что в конце 1839 г. из Оренбурга под командованием местного генерал-губернатора Василия Алексеевича Перовского отправляется военная экспедиция в Хиву, он добился прикомандирования к ней. С этой экспедицией отправлялся также впоследствии знаменитый Владимир Иванович Даль, собиравший лингвистический и фольклорный материал. Из Хивы Чихачев намеревался на свой страх и риск двинуться уже по собственному маршруту.

Оренбург покинули отряд численностью в 4250 солдат и офицеров при 18 артиллерийских орудиях, а также 2060 возчиков и погонщиков верблюдов из казахов и киргизов. Опасаясь летней жары, решили отправиться ближе к зиме, но серьезно ошиблись в своих расчетах. Полагали, что снег в безводной пустыне станет заменой воды, не взяли саней и грузы катили на колесах. Однако глубокие снега при сильных морозах оказались непреодолимой преградой. Из-за цинги и других болезней Перовский потерял 1054 человека, а из-за бескормицы — 10 тыс. верблюдов и 8 тыс. лошадей. Было пройдено чуть более трети намеченного пути, когда экспедиция была вынуждена повернуть назад, причем бросив или истребив значительные запасы продовольствия. Пережив эту страшную зиму, Чихачев добрался только до подножья плато Устюрт и летом 1840 г. вернулся в Оренбург.

Ни на кого более не рассчитывая, Чихачев занялся фундаментальной подготовкой своей Памирской экспедиции. В Париже он слушал лекции астронома Доминика Франсуа Араго и геолога Жана Батиста Эли де Бомона, в Берлине — географа Карла Риттера и астронома Иоганна Франца Энке, в Пулковской обсерватории занимался под руководством отца и сына Василия Яковлевича и Отто Васильевича Струве, изучал на всех языках источники и литературу о Средней Азии и Памире. Однако противодействие путешественнику российского МИД в лице Нессельроде оставалось непреклонным. Неприятностями для него обернулась даже публикация статьи об исследовании верховий Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи¹⁶.

С началом Крымской войны Чихачев распрощался со своими памирскими планами. «Офицерская косточка» и старые военные связи привели его в Севастополь, сначала в район Сапун-горы, занятой английскими войсками, а с февраля 1855 г. — в штаб главнокомандующего генерал-адъютанта Михаила Дмитриевича Горчакова. Страстная, неутомимая натура Чихачева и здесь проявилась во всей ее оригинальности и непосредственности. В октябре 1855 г., уже на пятом десятке лет, он с казачьим отрядом разведчиков-пластунов преодолел, кое-где буквально ползком, около 40 верст, чтобы установить численность и расположение французов в Байдарской долине¹⁷. В конце этого разведывательного рейда, продолжавшегося всего одни сутки, уже полумертвый от усталости, наш романтик не преминул записать в своем дневнике: «Так закончилась наша Байдарская ночь. Долго стану ее помнить; помнить также прелестную местность, в

которой я ее провел. От Севастополя до Ялты не встречал я крымской природы в такой нарядной обстановке, как здесь, особенно в те минуты, когда она озаряется беспрестанно изменяющимися световыми отливами утреннего или вечернего солнца»¹⁸.

Был ли Платон Чихачев ученым подобно своему брату Петру Александровичу, строгому систематику, собирателю, аналитику и мастеру синтеза, создателю исследовательских трудов? Конечно, нет. Опубликовал он очень немного, а то, что вышло из-под его пера, было скорее впечатлениями, размышлениями, письмами, отчетами о его полных опасностей и риска странствиях по миру. Он даже не стремился к обозначению четкого авторства своих текстов. Так, впечатления «О пароходстве и озерах в Северной Америке» были подписаны псевдонимом «русский путешественник»¹⁹. А раскрыла его редакция «Отечественных записок» в подстрочных примечаниях к уже следующей публикации о покорении пика Ането, да и то она представляла собой перевод письма Чихачева на имя президента Тулузской Академии наук, надписей и изящных искусств, помещенного ранее во франкоязычной газете. Рассказ о рейде по Байдарской долине был опубликован в популярном русском журнале и т. д.

Не составлял исключения и очерк, а точнее набросок впечатлений «Поездка через Буэнос-Айресские пампы» в «Отечественных записках» 1844 г.²⁰. Речь в нем идет, кстати, не только о пересечении Аргентины с запада на восток, но и обо всем латиноамериканском регионе, например, о пересечении Мексики с востока на запад (см. раздел «Эпизод»). Путешествие Чихачева не получило полного и должного по масштабам отражения в печати не только из-за особенностей творческой личности автора, но по другой, весьма банальной причине. «Воровство, сопровождаемое странными обстоятельствами, лишило меня, в конце 1838 г., в Париже, большей части моих рукописей и вещей, — писал Чихачев в одном из примечаний к «Поездке...». — Несмотря на все розыски, до сих пор не открыты следы этого воровства. Такая потеря, для меня невознаградимая, лишила меня почти всех числовых элементов моих наблюдений. От множества записанных фактов и цифр, остались у меня только отрывки»²¹.

Уже упоминалось, что «Поездка...» по особенностям своей структуры представляет собой скорее набросок путевых впечатлений, чем продуманный и композиционно завершенный очерк. Между тем текст Чихачева чрезвычайно интересен, живописен, отличается яркостью и разнообразием сюжетов. В нем нашли отражение геологическое строение, ландшафты, климат, флора и фауна разных местностей региона. Великолепно описаны быт и нравы пастухов-гаучо, их занятие степным коневодством, предстает облик городов Вальпараисо, Сантьяго, Мендосы, Сан-Луиса. Читатель становится свидетелем запоминающихся сцен жизни обитателей аргентинской пампы: охоты на нанду (американских страусов), выезды диких скакунов, укрощения быков, петушиных боев, азартных игр, зажигательных танцев под звон гитары. Картина преисподней является ему, когда Чихачев описывает, так называемые «саладерос» — варварские в своей примитивности предприятия, где забивали тысячи голов скота, а также солили его мясо и шкуры. Вообще явления первозданного варварства, разительного преобладания плоти над духом, безнадёжного отставания от центров мировой цивилизации не могли оставить путешественника равнодушным. Он с отвращением писал также о жестоком и тупом испанском колониальном режиме, суть которого состояла в том, чтобы выкачивать из своих американских владений огромные богатства, обрекая одних на

праздное, бездельное существование, а других на мученическое прозябание и гибель под этим нестерпимым гнетом.

Незамедлительный переход от испанского колониального режима к полной независимости и республиканской форме правления представлялся Чихачеву нонсенсом. В Сан-Луисе ему случилось беседовать с мелким чиновником местной администрации, который знаменовал самым своим существованием упомянутую социально-политическую трансформацию. «Я слушал с любопытством, ибо это нахальство невежества и этот хаос в мыслях одного из последних сановников Аргентинской Республики объяснили мне лучше всех газет, отчего сама республика находится в таком ужасном хаосе, — писал путешественник, — и, сверх того, открыли мне важную истину, которая прежде была мне известна понаслышке, и за которую, может быть, нападут на меня многие филантропы, — именно: лучше иметь дело с человеком, который вообще ничего не читал, нежели с тем, кто прочел только одну книгу — и больше ничего. Надобно съездить в эти несчастные страны, чтобы постигнуть вполне, что может быть с гражданским обществом, когда оно управляется первыми попавшимися полудикарями с претензией на всезнание»²².

Свои латиноамериканские впечатления Чихачев не смог обогатить данными похищенного полевого дневника, но для их комментирования он использовал широчайший круг разнообразной литературы XVI — первой трети XIX в. Среди авторов, на которых он ссыался, были хронисты и историки Конкисты Гонсало Фернандес де Овьедо и Вальдес, Антонио Франческо Пигафета, Торибио де Бенавенте (Мотилиния), Бартоломе де Лас Касас, Хуан де Торквемада, Инка Гарсиласо де Ла Вега; путешественники и естествоиспытатели Феликс д'Азара, Пьер Франсуа де Шарлевуа, Петр Симон Паллас, Альсид Дессалин д'Орбиньи, Чарльз Роберт Дарвин; ориенталисты Константин Франсуа Вольней и Юлиус Генрих Клапрот; историки Херонимо де Устарис, Уильям Робертсон, Джон Гиллис, Роберт Монтгомери Мартин, Пабло де Мендиль, Франсуа Пьер Гийом Гизо; географы, геологи, физики Александр фон Гумбольдт, Родерик Импи Мурчисон, Иоганн Христиан Поггендорф, Жан Батист Эли де Бомон, Пьер Арман Дюфренуа и многие другие.

Смешанные чувства владели Чихачевым, когда он заканчивал текст своей «Поездки...». С одной стороны, это были разочарование и глубокая озабоченность ситуацией, сложившейся в бывшей Испанской Америке, с другой, вера в то, что освободившиеся от пут деспотизма страны волею судеб найдут свой путь к цивилизации и политической стабильности в том виде, как это тогда понимал путешественник.

Вот, что он писал в заключение: «Появление Наполеона в Мадриде в 1808 г. было последним ударом, ниспавшим на испанскую державу в Новом Свете. Первая отделилась Мексика. Другие владения скоро последовали ее примеру, и в несколько лет революция постепенно охватила весь материк Южной Америки. И доныне еще продолжается эта же революция, повергнувшая эти прекрасные страны в состояние полного безначалия; а между тем от крутого перехода из колониального управления к республиканскому все общественные и нравственные связи так расторглись, что трудно предвидеть, чем окончится такое невероятное состояние дел. Одна надежда — на Проведение; оно, сохранившее в народах Нового Света силу и свежесть, оно, так богато одарившее эти роскошные страны, — неужели оно допустит их погибнуть в междоусобиях, прежде чем успеют они занять свое место на поприще образованного мира? Может быть оно нарочно ведет их длинным путем страданий, как очистительные жертвы, — для того,

чтоб, вразумленные опытом, они смогли предстать перед очами человечества в могучем составе крепко сложенных монархий...»²³.

Когда в марте 1836 г. Чихачев появился в российской миссии в Рио-де-Жанейро, Мальтиц располагал лишь очень ограниченной информацией об испаноязычных странах Америки. Получал он ее в основном благодаря своим дипломатическим контактам. Речь идет о его дружеских отношениях с поверенным в делах Австрии Дайзером и французским посланником Алексисом де Сен-При.

После отречения от бразильского престола в апреле 1831 г. императора Педро I страной правил регентство при малолетнем императоре Педро II. Его покойная мать Леопольдина была дочерью австрийского императора Франца I, и венское правительство проявляло постоянную заботу о его внуке, что активно поддерживалось в Петербурге. Это, естественно, сближало Мальтица и Дайзера. Австрийский генеральный консул в Рио-де-Жанейро с разрешения Дайзера передал Мальтицу в ноябре 1832 г. свои «Заметки о бывших испанских провинциях в Южной Америке»²⁴. Однако ситуация там описывалась в общей форме. Она характеризовалась жестким противостоянием различных политических группировок, обнищанием населения, упадком экономики, в частности, серебряных рудников, безнаказанностью контрабандистов и т.п.

Глава миссии Франции Алексис де Сан-При родился в России, хорошо знал русский язык и любил родину своей матери, княжны Софьи Алексеевны Голицыной, вышедшей замуж за французского эмигранта графа Шарля де Сен-При. Если с Дайзером Мальтиц, помимо других общих интересов, предавался воспоминаниям о Вене, то при общении с де Сен-При на первый план выходили русские знакомства и связи. В марте-апреле 1834 г. посланник посетил Буэнос-Айрес, где общался с тамошним французским консулом, подробно рассказывавшим ему о положении в этой стране. По возвращении в бразильскую столицу А. де Сен-При составил два донесения о своей поездке министру иностранных дел Франции герцогу де Брольи, копии которых передал Мальтицу²⁵. В них, в частности, сообщалось об усилении влияния в Аргентине главнокомандующего ее вооруженными силами Хуана Мануэля Росаса, установившего в следующем году там свою диктатуру. За пределы Аргентины автор донесений не выезжал, хотя они содержали также некоторые сведения о Парагвае и Перу.

В августе 1835 г. от атташе французской миссии Сартже, по словам Мальтица, «талантливый и рассудительный молодой человек», побывавшего в Перу, он получил краткую записку, посвященную этой стране²⁶. Однако по содержанию она напоминала не более чем сугубо лаконичную энциклопедическую справку, содержащую сведения о границах, ландшафте, отраслях хозяйства, этническом составе населения, государственном устройстве, судебной власти, армии, состоянии образования, религии, импорте, доходах, а также политической борьбе в Перу в 1834—1835 гг.

Вот, собственно, и вся информация об испаноязычных странах Нового Света, которой располагал Мальтиц, когда на пороге возглавлявшийся им миссии появился Пл. Чихачев. Обзор положения в бывшей Испанской Америке, как ясно из вышесказанного, явился результатом совместного труда двух наших знакомцев, тем более, что поверенному в делах понравилась суть рассуждений путешественника, а их взгляды и образ мыслей были во многом схожи. Попытка Мальтица при написании обзора освоить стиль Чихачева (тем более, что, как уже упоминалось, последний предоставлял ему записи своих бесед) привела к известной стилистической идентично-

сти перевода с французского текста, посланного Нессельроде, с текстом «Поездки...» из «Отечественных записок».

АНАРХИЯ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ДЕСПОТИЗМ

Авторы обзора на его первой же странице оговариваются, что каждый, кто пытается оценить ситуацию в рассматриваемых странах, сталкивается «с тысячей трудностей», главными из которых являются сохраняющееся в них «неустойчивое политическое и административное положение» и «невозможность составить сколько-нибудь ясную картину их организации в политическом, гражданском и статистическом аспектах из-за полного отсутствия каких-либо документов»²⁷. «К тому же в этих странах, где, за исключением Парагвая и Чили, царствуют самая разнузданная анархия и демократический деспотизм, — читаем мы далее, — трудно и даже невозможно получить какие-либо определенные сведения и узнать какие-нибудь мнения»²⁸.

Центральной фигурой всего случившегося в Южной Америке был, несомненно, Симон Боливар, скончавшийся в 1830 г., но оценка его авторами обзора являлась отнюдь неоднозначной: «При ближайшем рассмотрении болезненного положения этих несчастных стран становится понятно, что единственный результат аномального перехода от колониального произвола к ультрареспубликанскому режиму, самые элементарные принципы которого никогда не могли и не могут в настоящее время произрасти в недрах глубоко невежественного населения, лишенного энергии, чтобы вырваться из беспорядков и революционных бед — Боливар, которого возвышали до уровня Вашингтона, но который значительно теряет во мнении тех, кто хорошо ознакомился с фактами и изучил их, — указывается в обзоре. — Человека, сумевшего поднять эти примитивные, по натуре апатичные, народы на борьбу за освобождение от испанского господства, конечно, можно сравнить с Вашингтоном, он может вызвать всеобщее восхищение и уважение. Между тем покачнуть политическую машину — это еще не все, следует затем организовать новое и поставить его на рациональное и прочное основание. Вашингтону нужно было дать конституцию народу, намного превосходящему по уровню своей цивилизованности испаноамериканцев, и он в этом полностью преуспел: процветающее положение. Североамериканских Соединенных Штатов доказывает это. Боливар же, позволив распространиться духу вседозволенности, являющимся неизбежным спутником всякой сколько-нибудь продолжительной революции, не нашел в себе энергии, чтобы его подавить, — читаем мы далее. — Из-за своих колебаний и полумер он оставил незавершенным начатое великодушное дело. Тщеславие Боливара настолько возросло вслед за его последними успехами в Верхнем Перу [Боливии. — *Так в обзоре.*] и восхвалений, которыми его осыпали, что у него не достало силы ума ни для того, чтобы встать во главе монархического правительства (которое было тогда наилучшим решением при положении этих стран или же подобное следовало создать), ни просто войти в республиканский режим, предоставив либеральные, но разумные институты. Колумбия и Перу, ставшие ареной его подвигов, остались в неопределенном, временном положении, не обладая никакими позитивными гарантиями безопасности граждан и выполнения молчаливо установленных законов. Однако, поскольку самые насущные жизненные интересы как обеспеченных, так и трудящихся классов были ущемлены, так как страны оказались в руках солдатни, большей частью иностранной и разнузданной, да еще и поощряемой в этом, чтобы достичь

великой цели освобождения, все постепенно захлестнула деморализация. Стали происходить локальные революции, политические размежевания, и самого Боливара постигла горькая судьба — он умер в Картахене (Санта-Марте. — *Б.К.*), гонимый теми, кто получил из его рук новую жизнь, которую, к несчастью, он не имел силы укрепить... Мексика, Гватемала, Верхнее Перу и республика Аргентина последовали примеру своих сестер, и теперь они являют собой либеральные институты лишь по названию из-за неспособности или плутовства исполнительной власти и заботы жителей»²⁹.

Затем в обзоре трактуется ситуация в каждой из испаноязычных республик, следуя их географическому положению с севера на юг. Мексика, где Чихачев пробыл пять месяцев, находилась, по его мнению, «в ужасном состоянии деморализации и анархии». «Подло изменив своей родине» — Испании, полковник Агустин де Итурбиде в феврале 1821 г. объявил в «Плане Игуала» о независимости Мексики, в сентябре того же года она была провозглашена, а в мае 1822 г. он стал императором под именем Агустина I. Крах империи последовал уже через десять месяцев, а высланный из страны Итурбиде был по его возвращении в июле 1824 г., по мнению Чихачева, не менее «подло застрелен близ Тампико». «После падения Итурбиде и доныне, — рассказывал путешественник Мальтицу, — Мексика раздирается всякими разногласиями и жестокостями, которые присущи правительству, состоящему из хищных натур и полностью аморальному. Там организована система настоящего разбоя, и очень мало кому удалось избежать ее пагубного действия, особенно на больших дорогах из Веракруса в Мехико и на путях к главнейшим рудникам»³⁰.

Лично зная, как уже упоминалось, тогдашнего президента страны Антонио Лопеса де Санта-Ану, Чихачев отметил, что его «главное достоинство состоит в сочетании большой активности с еще большей хитростью». «Он также прекрасно знает порочную натуру своих соотечественников и сумел создать центральное правительство. Впрочем, не известно, сколько ему удастся продержаться и каковы будут последствия, — сообщал о ситуации в Мексике Чихачев. — После изгнания испанцев добыча ископаемых в рудниках, о которых имеются недостаточные сведения, сократилась на две трети... Работы не производятся из-за постоянных набегов индейцев с севера... Внутренняя торговля прозябает, а внешняя полностью находится в руках иностранцев. Политические взгляды Санта-Аны, которые здесь считают отвечающими лишь его личным интересам, побуждают последнего придерживаться партии плебеев и священников, тогда как мыслящие и обеспеченные классы ему враждебны. В стране бурных, необузданных страстей современное положение республики не может являться гарантией устойчивости. Здесь за деньги покупаются голоса, раздаются должности, но рано или поздно деньги иссякнут, поскольку они добываются из незаконных источников (хищений и взяточничества). На что тогда сможет опереться правительство, для которого они являются жизненной основой?» — спрашивал путешественник³¹. Чихачеву трудно было тогда предположить, что диктатура Санта-Аны продержится вплоть до августа 1855 г.!

Испанское генерал-капитанство Гватемала, на территории которого в 1823 г. образовалось федеративное государство Соединенные провинции Центральной Америки, по конституции 1824 г. получило название Федерация Центральной Америки, поэтому в обзоре Чихачева — Мальтица весь центральноамериканский регион фигурирует просто под названием «Гватемала». От развала федерацию в значительной мере спасла энергия видного местного политика Франсиско Морасана, о котором, однако, пу-

тешественник не упоминал. «В настоящее время в ней (Центральной Америке. — *Б.К.*) больше спокойствия, чем в Мексике, но и она далека от порядка, — отмечал Чихачев. — Деморализация, привитая жителям в ходе сильных и повторявшихся потрясений, заставила их забыть о выгодах, которые они могли бы иметь, кроме экспорта индиго, ванили и леса, если бы построили канал, соединяющий оба океана через озеро Никарагуа. Местность это позволяет, а в географическом отношении это наиболее подходящее место для подобного предприятия на всем континенте экваториальной Америки... В настоящее время в стране довольно мирно, и она понемногу оправляется, однако есть основания опасаться, что это лишь отдых вулкана»³².

«От Колумбии осталось только название, — рассказывал Чихачев Мальтицу. — Теперь она разделена на три республики Эквадор, Новая Гранада и Венесуэла со столицами Кито, Санта-Фе-де-Богота и Каракас. В каждой стране свой законодательный и представительный органы, общее у них лишь происхождение. Их конституция, как и у всех испаноамериканских республик, списана более или менее верно с конституции Североамериканских Соединенных Штатов. Цивилизация коснулась лишь морских побережий, внутренние области — еще в сумерках. Индейцы, хотя и имеющие индивидуальную свободу, находятся в состоянии еще большей деградации, чем в Мексике, и нужно пожить в Андах, чтобы понять всю их нищету»³³.

В 1835 г. президентом Эквадора стал Висенте Рокафуэрте. «Это человек довольно способный и благонамеренный, прошедший почти всю жизнь в Европе на политических должностях, несмотря на все усилия, не сможет за четыре года своего правления исправить закоренелые пороки и смягчить результаты фанатизма и скандальной распущенности, — сообщал о нем собеседник Мальтица. — Страна только что вышла из ужасной революции и едва начала оправляться. Вся ее внешняя торговля ограничена портом Гуаякиль, откуда регулярно вывозятся какао и лес»³⁴.

А вот Новая Гранада, где с 1833 г. президентом был Франсиско де Паула Сантандер, по мнению Чихачева, снова находилась на грани революции. «Сейчас страной правит генерал Сантандер, один из лейтенантов Боливара, правит железной рукой, и может быть этим объясняется нынешнее спокойствие в стране, — размышлял Чихачев, — вновь налажены торговля и промышленность, и страна находится в сравнительно цветущем состоянии, но непопулярность президента является прочной гарантией того, что его не выберут вновь, и верным симптомом новых беспорядков. Продукция из внутренних районов довольно легко находит рынки сбыта и выгодно продается в портах Карибского моря. И если новый проект соединения двух океанов через Панаму будет осуществлен, то Новая Гранада сможет стать одной из самых счастливых стран Америки»³⁵. На выборах 1837 г. Сантандер, действительно, не получил большинства голосов, но дело не закончилось новой «революцией». Конгресс страны высказался в пользу Хосе Игнасио Маркеса, который и стал президентом на следующий срок.

Последняя из трех частей бывшей Колумбийской конфедерации — Венесуэла, за исключением Чили, по мнению Чихачева, «продвинулась дальше всех по пути прогресса». «Ее географическое положение, удачное расположение портов, близость Антильских островов, полные воды судоходной реки Ориноко, религиозная терпимость способствуют ее заметному возвышению над другими странами, — констатировал путешественник. — Однако ее будущему грозит новая революция. Она имеет целью восстановление целостности Колумбии. Эта идея очень непопулярна из-за различия

интересов и мнений, и лишь выдающийся человек мог бы ее осуществить и то временно. Этим человеком, вероятно, будет генерал Флорес, бывший президент Эквадора, а ранее капитан и фаворит Боливара»³⁶. Хуан Хосе Флорес в 1815—1830 гг. участвовал в десятках сражений, в 1830—1834 гг. стоял во главе Эквадора, а в 1836 г., очевидно, строил планы, которые имел в виду Чихачев. «Ловкий, гибкий, хитрый, этот генерал соединяет в себе огромный авторитет и выдающиеся таланты, — сообщалось далее в обзоре. — Весьма скромного происхождения, он сумел на бивуаках, благодаря своему усердию, приобрести знания и развить большую работоспособность. Он считается первым военным талантом и самым либеральным человеком, и ему удастся достичь больших целей в стране, где единственными рычагами власти являются физическая сила и интрига. К тому же и в прошлом он не был обделен славой. Боливар любил его, как сына, и он это заслужил, так как много способствовал его успехам в Колумбии. Если когда-либо идея об объединении трех республик станет популярной, можно предположить, что генерал Флорес, как ловкий политик, встанет во главе движения, и лишь слепые удивятся, что его назначат диктатором»³⁷. Это предсказание не оправдалось. В 1838 г. Флорес снова стал президентом Эквадора и пробыл на этом посту до 1845 г.

Перу Чихачев застал «в состоянии кризиса и нищеты, которые трудно описать». «Одиннадцать месяцев революции, которой предшествовал ряд других, сделали эту столь богатую ранее страну сценой скорби, — сообщал путешественник. — Поместья разорены, рудники заброшены или разрушены, дороги, ведущие к столице, кишат разбойниками и вооруженными отрядами, селения разграблены, вся страна находится в состоянии хаоса. Более года она не имеет правительства ни фактического, ни юридического»³⁸. В борьбу перуанских политических группировок активно вмешивался президент Боливии генерал Андрес Санта-Круз, намеревавшийся «объединить Верхнее и Нижнее Перу и создать федеральное государство». Чихачев считал его успех предпочтительным, «потому что у него больше денежных средств и интеллектуальных сил»³⁹. В Боливии, по оценке путешественника, было больше порядка, чем в Перу, но он опасался, что намерения Санта-Круза могут стать для этой страны фатальными. Однако в 1836 г. последнему все же удалось стать главным маршалом конфедерации двух стран и ее протектором.

Пример относительно спокойного выхода из повстанческой эпопеи Чихачев наблюдал в Чили. «Народ... сумел подчинить страсти своим интересам, подавить якобинство и распущенность, поэтому, несмотря на опустошения, нанесенные войной испанцев с Сан-Мартинем, эта страна из всех американских республик находится в лучшем состоянии; сельское хозяйство, промышленность, торговля — все там процветает», — приходил к выводу путешественник⁴⁰. В 1831—1841 гг. президентом Чили являлся консерватор и фактически диктатор страны Хоакин Прието. Его твердость в управлении страной, едва ли ни под стать монархической, явно импонировала Чихачеву. «Если Чили и впредь будет иметь такую мудрую власть, какую осуществляет нынешний президент генерал Прието, нет сомнения, что ее ждет быстрый прогресс, — замечал он. — Законы там мудры, умеренны, терпимость рациональна, начинают устанавливаться сила морали и стабильные мнения. Это заставляет верить, что Чили извлечет уроки из жестокого опыта своих собратьев. Страна широко экспортирует пшеницу и медь»⁴¹.

Между тем стоит покинуть Чили и спуститься по восточному склону Анд в Аргентину, обращал внимание Чихачев, как окружающая жизнь ра-

зительно меняется: «Аргентинцы не последовали здравому примеру своих соседей, гражданские распри и расхищения привели к тому, что республика являет собой картину опустошения. К внутренним неурядицам добавляются еще набеги патагонских индейцев»⁴².

В 1835 г. в стране установилась диктатура Хуана Мануэля Росаса, ортодоксального сторонника федеративного устройства государства. Объясняя Мальтицу суть политических коллизий в Аргентине, Чихачев указывал: «Поскольку вся страна разделена на две ожесточенно противостоящие друг другу партии (одна, ратующая за ее единство, другая — за федеральную структуру) спокойствие в ней не кажется надежным. Ныне федералистская партия находится в силе; ее поддерживают низшие классы аргентинского народа, которые, желая федерации, не понимают, что это такое. Если эта партия будет продолжать существовать, страна окажется расчлененной. К партии унитариев принадлежит наиболее достойная часть населения и, пожалуй, она все же возьмет верх, потому что является более устойчивой в моральном отношении»⁴³. Чихачев оказался прав, но свергнуть Росаса удалось только в 1852 г., а утвердить подлинное единство Аргентины — только к концу 60-х годов XIX в. Политическая неустойчивость, а затем и антифранцузские акции Росаса, внешняя политика, которого отличалась агрессивностью, привели даже на какое-то время к утрате Аргентиной монополии на экспорт кож и шерсти, перешедшей к Уругваю.

В Парагвае, где с 1811 г. утвердилось правление Хосе Гаспара Родригеса Франсии, фактически изолировавшего страну от внешнего мира, Чихачев, естественно, не был. «Невозможно дать точные сведения об этой стране, так как нет источников информации, все основано лишь на слухах», — признавался он⁴⁴. Тем не менее путешественник был склонен порассуждать о загадочном парагвайском эксперименте: «Говорят, что мануфактуры там усовершенствовались, но поскольку пошлины на основные статьи экспорта непомерно велики, торговля хиреет. Было бы любопытно изучить нынешнее положение Парагвая, чтобы определить, имели ли спасительный эффект энергичные меры, принятые доктором Франсиа. Поскольку был запрещен ввоз промышленных товаров и некоторых видов сырья, это могло послужить стимулом для апатичного ума жителей, чтобы развить производство необходимых изделий. И если Франции удалось привить хотя бы только любовь к труду и деятельности своим ленивым соотечественникам, ему должны быть обеспечены всеобщее уважение и признательность. Правда его обвиняют в том, что он внедряет добро слишком жесткими методами и часто руководствуется своими сугубо личными интересами, но все же это выдающийся человек, раз он спас свою страну от опустошительных революций, происшедших в других республиках и в течение двадцати пяти лет осуществляет никем не оспариваемую власть»⁴⁵. Умер Франсиа в 1840 г.

Последней страной, ставшей предметом бесед Чихачева и Мальтица, был Уругвай, возникший как независимое государство в 1828 г. в результате аргентино-бразильской войны 1825—1828 гг. В 1830—1834 гг. его президентом был Хосе Фруктуосо Ривера. «Уругвай имеет такие же земли и производит ту же продукцию, что и Аргентина, с той лишь разницей, что там больше порядка и спокойствия», — отмечал путешественник. — Его счастливое развитие заставляет устыдиться его соседей. Столица Монтевидео является также единственным важным портом. Нынешний президент Фруктуосо Ривера только что смещен, но судя по его заверениям, это событие пройдет без тяжких последствий для страны. Впрочем, трудно предсказывать события в Южной Америке

ке, так много здесь непостоянства и двоедушия. Торговля кожами здесь теперь очень развита, тогда как раньше они шли только из Аргентины»⁴⁶. Последнее сомнение политического характера, высказанное Чихачевым, оказалось уместным. В июле 1836 г. Ривера совершил переворот, по традиции называвшийся «революцией», и на период с 1838 по 1843 г. закрепил за собой пост президента Уругвая.

Чихачев собрал интересные сведения о составе флотов испано-американских республик: «На тихоокеанском побережье Мексика имеет три военных корабля (один корвет, негодный к военным действиям, и две шхуны), в Мексиканском заливе — три корабля (бриги или шхуны). Эквадор имеет один фрегат с 60 пушками, но в демонтированном состоянии, и две шхуны. У Перу — один корвет и шесть бригов или шхун, у Чили — только несколько шхун, у Аргентины — тоже»⁴⁷.

«СЕТИ ВСЕДОЗВОЛЕННОСТИ»

Выводы, которые мы находим в рассматриваемом обзоре, очевидно, были общими для Чихачева и Мальтица: первый был непосредственным наблюдателем испаноамериканской действительности, второй послал эти наблюдения в виде своего официального донесения министру иностранных дел К.В.Нессельроде. Прежде всего это критика испанского колониального порядка. «Испанская администрация обвиняется в том, что с начала завоевания она оскорбляла и подавляла достоинство аборигенов. Жадность и наглость завоевателей, опирающиеся на самый жестокий фанатизм, крайняя робость, свойственная натуре американских индейцев, жесткое деление по цвету кожи и кастам, которое создала сама природа, огромные богатства полезных ископаемых, монополия испанской торговли, невозможность апеллировать к справедливости слишком далекого короля — все это много способствовало вырождению американских народов еще во время испанского господства», — читаем мы в обзоре⁴⁸. Далее, конечно, говорится о взрыве внутреннего недовольства в Испанской Америке, примере США, политических коллизиях в самой метрополии, освободительной роли Боливара. Однако это было только началом. «После изгнания общего врага разгорелись вульгарные страсти партийных вождей, и с этого времени эти страны оказались во власти их распрей и были ввергнуты в междоусобные войны, — соглашались рассказчик и слушатель. — Народы, неподготовленные к избавлению от иностранного господства, попали в сети вседозволенности и забыли в тот момент опьянения свободой, что они могут стать жертвами тирании хищных, честолюбивых белых людей, оставшихся после ухода испанских властей. Установилась система всеобщей коррупции, индейцы, привыкшие к испанскому ярму, подчинились ей, поскольку даже при сугубо тиранических акциях произносилось слово свобода. Они, как дети, позволяли себя обманывать, а теперь, находясь в самых тяжелых обстоятельствах, прибегают лишь к низкой хитрости и ножу убийцы там, где следовало бы проявить мужественную твердость и чувство собственного достоинства. Состояние самого общества болезненно, люди, принадлежащие к разным партиям, боятся встречаться друг с другом; общественное благо — лишь повод, реальная цель — личное богатство... Вот почему в Америке очень нелегко уничтожить элементы дезорганизации»⁴⁹.

Чихачев и Мальтиц пришли к согласию и по другому вопросу: «Испания нанесла себе огромный вред тем, что не пошла по мудрому пути Англии и не признала независимости своих бывших колоний, как

только поняла, что не может удержать их силой... Теперь вся американская торговля находится в руках иностранцев — англичан и англо-американцев; самые процветающие города Испании теперь хиреют из-за отсутствия рынков, а бывшие колонии не завоеваны вновь. Итак, вместо того, чтобы извлечь из беды выгоду, испанское правительство встало в позицию ложного самолюбия»⁵⁰.

Каков же выход из создавшегося положения? Путешественник и дипломат полагали: «Единственным средством укрепления морального духа американцев была бы массовая иммиграция иностранцев, безопасность которых в их новом отечестве гарантировалась бы специальными постановлениями»⁵¹. Однако они тут же приходили к неутешительной констатации, отдалявшей эту спасительную меру на неопределенный срок: «В настоящее время такие гарантии осуществить невозможно, поскольку все находится в состоянии брожения или оцепенения»⁵². В обзоре трезво указывалось, сколь призрачны надежды тех, кто рассчитывает на помощь молодым американским республикам со стороны великих европейских держав (что невозможно ни по политическим, ни по финансово-экономическим обстоятельствам), тех, кто вынашивает планы возведения европейских принцев на американские престолы (что нереально из-за непопулярности самого института монархии и ненависти к господству белых огромной массы народа), наконец, тех, кто уповает на коммерческие связи с европейским купечеством (что неосуществимо, поскольку монополия на торговлю в южных морях находится в руках Британии и США)⁵³.

В обзоре развернуто также еще одно, очень существенное для судеб региона, обстоятельство: «Духовенство также выступило бы против вмешательства европейцев, так как оно, вероятно, лишило бы его больших привилегий, связанных с суевериями американских народов. Религия здесь обращается лишь к самой больной части духа. Она не руководит образованием как в Североамериканских Соединенных Штатах. Наоборот, духовенство осуждает образование и поддерживает невежество, организуя дорогостоящие праздники и шествия и делая их объектом спекуляций, как и многие другие религиозные функции. В некоторых частях Испанской Америки влияние духовенства очень велико и направлено во вред общественному благу. Большинство политических возмутителей порядка тесно связаны с личными интересами священников, которые за это уступают им часть своего морального влияния, а в результате страдают беднейшие слои населения»⁵⁴.

Заключение обзора в чем-то перекликается с приведенным выше заключением текста «Поездки...», но оно, пожалуй, еще жестче и бескомпромиссней. Впрочем, пусть об этом судит читатель: «Таково, к несчастью, реальное положение в Испанской Америке и, хотя природа наделила этот край всеми дарами, необходимыми для счастья, видимо, лишь новые катастрофы, новые кровопролития, которые доведут до крайности моральное и экономическое истощение этих стран, дадут в результате нужное лекарство. Вероятно, эти народы, наконец, устанут от несчастий, причиной которых являются они сами, и примут тогда такую форму правления, которая поставит плотину перед опасностями мятежного духа. Конечно, это тяжелая перспектива для филантропа, но, к сожалению, через эти фазы, наверно, придется пройти новым народам этого полушария»⁵⁵.

А.П.Мальтиц и Пл.А.Чихачев — два этнически разных, но близких по взглядам и преданно служивших России человека — встретились далеко от нее, в Рио-де-Жанейро, чтобы составить яркий и откровенный обзор событий на огромных пространствах бывшей Испанской Америки в первой тре-

ти XIX в. Обзор этот — ценный источник по истории испаноязычных стран Нового Света и своего рода уникальный документ, гармонично сочетающий в себе казалось бы несоединимое — описание путешественника и донесение дипломата. И не в последнюю очередь именно в связи с этим он представляется еще более интересным и привлекательным, как, впрочем, и его талантливые составители.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Канцелярия, 1836, № 178, л. 180.

² Там же, л. 182—182 об.

³ Там же, л. 183—197.

⁴ A. P i g o n. *Métromanie, comédie en cinq actes et vers*. Paris, 1738; *Страсть к стихотворству: Комедия в пяти действиях*. М., 1787; С.-Петербург в 1782 году. Письма Пикара к князю А.Б.Куракину (пер. с франц.) — *Русская старина*, т. XXII, 1878, с. 65—66; Д. Я з ь к о в. Перепечатка старинной книги о русском театре. (Рец. На перепечатку «Драматического словаря» М., 1787, 166 с.). — *Русский архив*, кн. 3, 1881, с. 452.

⁵ А.Э.Полонский. Тютчев. Двадцать два года вдали от России. М., 2004, с. 247—248.

⁶ А.П.Мальтиц. Тень. (Баллада). — *Отечественные записки*, 1840, т. XIII. Раздел III. Словесность, с. 2—4.

⁷ *Отечественные записки*, 1840, т. XIII. Раздел III. Словесность, с. 1.

⁸ Там же.

⁹ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 286 (Архив В.А.Жуковского). Оп. 2. № 252, 291; Ф. 539. (Архив В.Ф. Одоевского). Оп. 2. № 735; Выдержки из старой записной книжки, начатой в 1813 году. — *Русский архив*, кн. 2, 1876, с. 211—212; Из переписки князя В.Ф.Одоевского. — *Русская старина*, Август, 1904, с. 433; Н.Греч. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. СПб, ч. III, 1839, с. 97.

¹⁰ Подробнее см.: В.В.Цыбульский. Петр Александрович Чихачев (1808—1893). Платон Александрович Чихачев (1812—1892). М., 1988.

¹¹ Подробнее см.: В.В.Цыбульский. Указ. соч.

¹² Н.М.Пржевальский. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. СПб, 1888, с. 3.

¹³ П.А.Чихачев. Поездка через Буэнос-Айресские пампы. — *Отечественные записки*, 1844, т. XXXIV. Раздел II. Науки и искусства, с. 11.

¹⁴ В.В.Цыбульский. Указ. соч., с. 37.

¹⁵ П.А.Чихачев. Восхождение на пик Нету в Пиренеях. — *Отечественные записки*, 1842, № 12. Отдел VIII, с. 89.

¹⁶ П.А.Чихачев. Об исследовании верховий Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи и Нагорной площади Памир. — *Записки Русского географического общества*, 1849, кн. III, с. 50—70.

¹⁷ П.А.Чихачев. Байдарская ночь или прогулки с пластунами. — *Русская беседа*, 1856, № 1, с. 42—53.

¹⁸ В.В.Цыбульский. Указ. соч., с. 128.

¹⁹ *Отечественные записки*, 1839, т. III. Отдел II, с. 54—70.

²⁰ *Отечественные записки*, 1844, т. XXXIV. Отдел II, с. 1—72. В 1967 г. Центр по изучению Латинской Америки Канзасского университета издал текст П.А.Чихачева в переводе на английский язык: P. A. C h i k h a c h e v. *A Trip Across the Pampas of Buenos Aires (1836—1837)*. Trans. from the Russian by J. Weiner. — *Occasional Publications of Center of Latin American Studies (University of Kansas)*, 1967, № 8.

²¹ *Отечественные записки*, 1844, т. XXXIV. Отдел II, с. 24. В тексте «Поездки...» встречаются упоминания о том, что Чихачев вел полевой дневник (с. 11, 35).

²² Там же, с. 48.

²³ Там же, с. 72.

- ²⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1833, № 185, л. 7—14 об.
- ²⁵ Там же, 1834, № 184, л. 137—152 об.
- ²⁶ Там же, 1835, № 208, л. 219—221.
- ²⁷ Там же, 1836, № 178. л. 183.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же, л. 183 об.—184 об.
- ³⁰ Там же, л. 185—185 об.
- ³¹ Там же, л. 186—186 об.
- ³² Там же, л. 186 об.—187.
- ³³ Там же, л. 187—187 об.
- ³⁴ Там же, л. 187 об.
- ³⁵ Там же, л. 188.
- ³⁶ Там же, л. 188 об.
- ³⁷ Там же, л. 188 об. — 189.
- ³⁸ Там же, л. 189—189 об.
- ³⁹ Там же, л. 189 об.
- ⁴⁰ Там же, л. 190 об.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же, л. 191.
- ⁴³ Там же, л. 191—191 об.
- ⁴⁴ Там же, л. 191 об.
- ⁴⁵ Там же, л. 191 об.—192.
- ⁴⁶ Там же, л. 192 об.
- ⁴⁷ Там же, л. 197.
- ⁴⁸ Там же, л. 193.
- ⁴⁹ Там же, л. 193 об.—194.
- ⁵⁰ Там же, л. 194—194 об.
- ⁵¹ Там же, л. 194 об.
- ⁵² Там же, л. 194 об.—195.
- ⁵³ Там же, л. 195—196.
- ⁵⁴ Там же, л. 196—196 об.
- ⁵⁵ Там же. л. 196 об.—197.